

центральной исполнительной власти совету из шести министров, взятых вне Собрания, большей частью жирондистов. Ролан, Серван, Клавьер, Монж и Лебрен вошли в это министерство с присоединением Дантона, которого революция возвела на пост министра юстиции. В этом совете не было постоянного президента; министры председательствовали по очереди, каждый в течение недели.

Конвент утвердил эту организацию; но вскоре Дантон, сделавшийся за это время душой национальной обороны и дипломатии и приобретший первенствующее влияние в совете, принужден был выйти в отставку вследствие нападок на него Жиронды. Он оставил министерство 9 октября 1792 г., и его место занял безличный Гара. Тогда самым влиятельным лицом в исполнительном совете стал министр внутренних дел Ролан, занимавший этот пост до января 1793 г. (он вышел в отставку после казни короля). За эти четыре с лишним месяца Ролан дал возможность группировавшимся вокруг него и вокруг его жены жирондистам проявить всю свою энергию, чтобы помешать революции развиваться в направлении, намечавшемся уже с 1789 г., а именно помешать установлению народной демократии и затормозить окончательную отмену феодального строя и приближение к уравниванию состояний. Дантон тем временем все-таки оставался руководителем в делах дипломатии; а когда в апреле 1793 г. был назначен Комитет общественного спасения, Дантон стал настоящим министром иностранных дел в этом Комитете¹.

Получив власть и господствуя в Конвенте, Жиронда не сумела сделать ничего положительного. Она «ораторствовала», но ничего не делала, как очень верно заметил Мишле. У нее не хватало решимости на революционные меры, но не хватало ее и на открытую реакцию. А потому настоящая власть, почин и практическое действие оставались в руках Дантона во всем, что касалось войны и сношений с иностранными державами, и в руках Парижской коммуны, секций, народных обществ и отчасти Якобинского клуба в вопросах революционных мер внутри страны. Но бессильная в действии Жиронда яростно нападала на тех, кто действовал, особенно на «триумвират», т. е. на Дантона, Марата и Робеспьера, которых она резко обвиняла в диктаторских стремлениях на том основании, что их мнения и советы приобрели в это время большое значение. Бывали дни, когда можно было думать, что жирондисты восторжествуют и пошлют Дантона в изгнание, а Марата - на эшафот.

Но силы революции в то время еще не иссякли, а потому все эти нападения потерпели неудачу. Они только возбудили в народе горячее сочувствие к Марату (особенно в предместьях Сент-Антуан и Сен-Марсо), усилили влияние Робеспьера на якобинцев и на демократическую буржуазию вообще и возвысили Дантона в глазах всех тех, кто любил борющуюся с королями республиканскую Францию, кто видел в нем энергичного человека, способного противостоять иноземному нашествию, разбить роялистские заговоры внутри страны и упрочить республику, хотя бы рискуя ради этого своей головой и своей политической репутацией.

С первых же заседаний Конвента жирондисты, а с ними вся правая сторона, вновь начали ту полную озлобления борьбу против Парижской коммуны, которую они вели уже в Законодательном собрании начиная с 11 августа. Жирондисты обязаны были своей властью народному восстанию, подготовленному Коммуной, и именно на нее они обрушились теперь с такой ненавистью, какой никогда не проявляли по отношению к дворцовым заговорщикам.

Рассказывать здесь подробно обо всех этих проявлениях вражды Жиронды к Коммуне было бы слишком утомительно. Достаточно указать на некоторые из них.

Прежде всего у Коммуны и ее Наблюдательного комитета, а также у Дантона потребовали денежного отчета. Вполне понятно, что в бурные месяцы августа и сентября 1792 г. при исключительных обстоятельствах, созданных движением 10 августа и иноземным вторжением, Дантону, единственному деятельному человеку в министерстве, приходилось тратить деньги, не ведя должной отчетности, то на дипломатические переговоры с пруссаками, то для раскрытия заговора маркиза де ла Руэри в Бретани и заговоров принцев в Англии и в других местах. Очевидно также, что и Наблюдательному комитету Коммуны, когда он спешно обмундировывал и отправлял изо дня в день волонтеров на войну, трудно было вести правильное счетоводство. И вот на это слабое место жирондисты направили первые свои удары и свои инсинуации, потребовав (уже 30 сентября) полного денежного отчета. Исполнительной власти Коммуны, т. е. ее Наблюдательному комитету удалось блестящим образом сдать

¹ А Олар в своей Политической истории дает очень хороший обзор этих перемен (Олар А. Политическая история Французской революции М, 1902, с. 381–383).